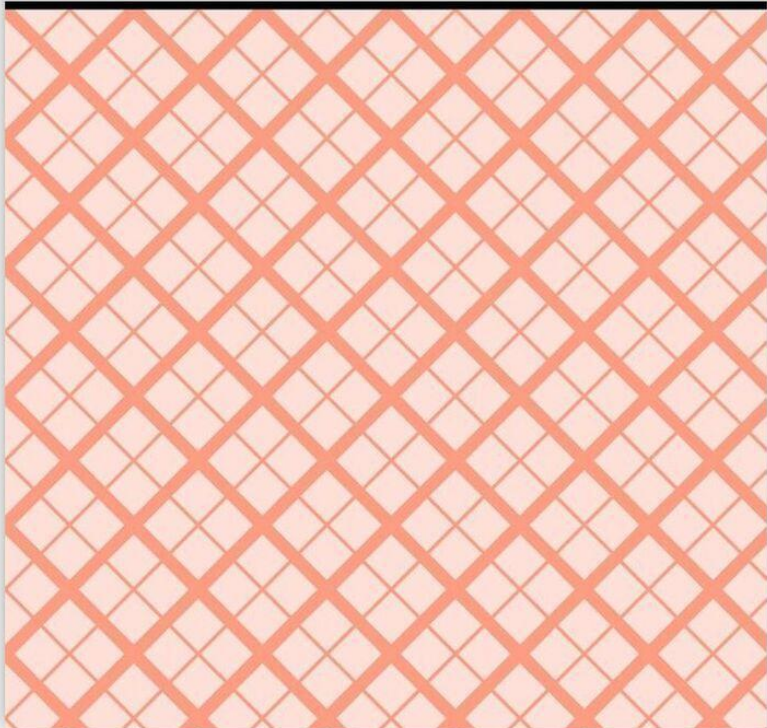

18+

РОМАН КАЛЬГАЕВ

Трилогия героев Романа Кальгаева

Роман Кальгаев

Трилогия героев

Романа Кальгаева

<https://litres.ru/74465068>

ISBN 9785007121200

Аннотация

Трилогия о доступности: истории тех, кто меняет город.

Три героя идут к одной цели разными путями. Ким («Линия Кима: минуты, которые нельзя вернуть») знает цену каждой минуте. Немчинов («Линия Немчинова: сантиметры, за которые держатся») верит рулетке и глазам: для него сантиметр проёма — чья-то возможность выйти из дома. Олег Петрович («Внимание: Олег Петрович. Линия ответственности») превращает проблемы в системные решения.

Их упорство делает город доступнее.

Содержание

Книга 1	5
Линия Сергея Кима	6
Глава 1 (Пролог)	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	29
Глава 13	30
Глава 14	31
Глава 15	32
Глава 16	33
Глава 17	34
Глава 18	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Трилогия героев Романа Кальгаева

Роман Кальгаев

© Роман Кальгаев, 2026

ISBN 978-5-0071-2120-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1

Линия Сергея Кима

Глава 1 (Пролог)

Дождь не шёл — он висел в воздухе, как серая сетка, сквозь которую город становился плоским и одинаковым. Подстанция скорой пахла спиртом, старым пластиком и мокрой одеждой. Сергей Ким стоял у окна диспетчерской и смотрел, как капли стекают по стеклу, будто кто-то снаружи торопливо чертил одну и ту же бессмысленную линию.

— Ким, погнали! Улица Примерная, дом 12, подъезд 1. Женщина, 78 лет, давление 220. И сразу скажу: пандуса нет.

Ким кивнул. Он уже знал этот адрес. Знал, что подъезд там узкий, лестница — крутая, а лифт не работал с прошлой зимы. Он не стал ничего уточнять, просто взял укладку и пошёл к машине.

В салоне пахло резиной и кофе. Фельдшер Игорь уже щёлкал ремнём, привычно хмурился.

— Опять туда? — спросил он, не глядя. — Там даже коляску не спустить.

— Знаю, — коротко ответил Ким.

Машина тронулась. Двор утопал в воде, лужи отражали фонари так, что казалось, будто свет тоже тонет. Ким смотрел на мелькающие подъезды и думал не о давлении, а о лестнице. О том, как они будут поднимать носилки. О том, что если пациентка тяжёлая, им придётся звать соседей. А если соседей не будет — делать всё вдвоём, рискуя сорваться.

Они остановились у подъезда. Дверь была приоткрыта, будто сама просила: «Ну давай, заходи, тут тяжело».

Поднялись на третий этаж. В квартире пахло лекарствами и старым чаем. Женщина лежала на диване, бледная, с сухими губами. Рядом на стуле — пузырёк с таблетками и стакан с осадком на дне.

— Простите, — тихо сказала она, когда они вошли. — Я не хотела, чтобы вы бежали.

— Мы не бежим, — спокойно ответил Ким, доставая тонометр. — Мы работаем.

Он измерил давление, записал цифры, поставил укол. Игорь снял кардиограмму. Всё это было привычно, отработано до автоматизма. Но когда пришло время решать, везти ли её в стационар, Ким вдруг почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Потому что он знал: чтобы вынести её, им понадобятся носилки. А чтобы пронести носилки по этой лестнице — чудо. Или помощь.

— Вы можете встать? — спросил Ким. — Хоть немного? Она попыталась, но тут же покачнулась.

— Простите, — снова прошептала она. — Не могу.

И в этом «не могу» было столько усталости, столько стыда, что Ким вдруг понял: она извиняется не за то, что ей плохо. Она извиняется за то, что стала проблемой.

— Не надо, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Сейчас всё сделаем.

Игорь уже звонил диспетчеру: просил прислать вторую бригаду, чтобы помочь с носилками. Ким сел рядом на край дивана и тихо спросил:

— Давно вы не выходили на улицу?

Женщина посмотрела на него, будто не поняла вопроса. Потом медленно покачала головой.

— С прошлой зимы, — сказала она. — Лифт не работает, а по лестнице... я боюсь.

Ким кивнул, будто это была самая обычная вещь на свете — не выходить из дома полгода. Будто это не ломало жизнь, а просто было неудобством, вроде сломанного замка.

— Это не ваша вина, — сказал он. — Это лестница виновата.

Женщина слабо улыбнулась.

Когда приехала вторая бригада, они аккуратно уложили её на носилки. Спуск начался. Ким шёл впереди, держа угол, чтобы носилки не ударились о стену. Игорь сзади. Каждый шаг давался тяжело. Металл носилок скрежетал по бетону. Лестница казалась бесконечной.

На первом этаже Ким на секунду остановился, чтобы перевести дыхание. В дверях подъезда он увидел соседку, которая куталась в пальто и смотрела на них с виноватым видом.

— Я бы помогла, — сказала она тихо. — Но я сама еле хожу.

Ким не стал её винить. Он вообще никого не винил. Про-

сто чувствовал, как внутри растёт что-то новое — не злость, а упрямое, холодное понимание: он не может лечить эту женщину, пока лестница остаётся такой, какая она есть.

В машине он достал из кармана старый бланк, на обороте которого были чьи-то неразборчивые записи. Взял ручку, которая писала через раз, и вывел:

«Подъезд д. 12, подъезд 1: физически невозможно поднять носилки. Время подъёма +12 минут. В 3 из 5 случаев это критично. Пациентка 78 лет не выходила из квартиры с прошлой зимы из-за неработающего лифта и отсутствия пандуса».

Он не назвал это жалобой. Не назвал криком души. Он назвал это фактом. Потому что факты — единственное, что система умеет слышать.

Когда они вернулись на подстанцию, дождь всё ещё шёл. Ким положил бланк на стол перед Катей — координатором волонтеров, которая как раз собирала подписи за доступную среду.

— Вот, — сказал он, не поднимая глаз. — Пусть это будет не моя жалоба. Пусть это будет наш факт.

Катя посмотрела на запись, потом на Кима. И кивнула.

— Сделаем, — сказала она просто. — Сделаем так, чтобы это перестало быть твоей личной бедой.

Ким впервые за вечер почувствовал, что земля под ногами стала чуть твёрже.

Глава 2

Утро на подстанции было не добрым — оно было привычным. В комнате отдыха пахло остывшим кофе и чужой тревогой: кто-то из фельдшеров всю ночь не мог уснуть, кто-то доедал бутерброд, который уже сутки лежал в шкафчике. Ким сидел на краю кушетки, застёгивал куртку и смотрел, как по окну ползёт капля — медленно, будто ей некуда спешить.

— Ким, погнали! — голос диспетчера резанул тишину. — Дом 14, подъезд 3. Мужчина, 68 лет, подозрение на инсульт. И да, там тоже пандуса нет.

Ким не удивился. Он вообще перестал удивляться. Он просто кивнул, взял укладку и пошёл.

В машине Игорь молчал. Только постукивал пальцами по колену — привычка, которая появлялась у него перед тяжёлыми вызовами.

— Опять эти подъезды, — наконец буркнул он. — Как будто их специально строили, чтобы скорая не могла пройти.

— Не специально, — тихо ответил Ким. — Просто не думали.

Дом 14 был точной копией дома 12: те же серые стены, те же облупившиеся перила, тот же запах сырости в подъезде. Только лестница здесь была ещё круче, будто кто-то нарочно сделал её неудобной, чтобы люди реже ходили.

На третьем этаже дверь была приоткрыта. Внутри пахло лекарствами и чем-то домашним — старым одеколоном, сушёными травами. Мужчина лежал на полу, лицо перекошено, рука не двигалась. Рядом стояла женщина — видимо, жена, — и смотрела на них так, будто они были последней надеждой.

— Он встал, хотел дойти до кухни... — прошептала она.
— И вдруг...

Ким опустился на колени, быстро провёл осмотр. Время шло. Каждая секунда здесь была не просто секундой — она была шансом. Но чтобы этот шанс сработал, нужно было вынести пациента. А вынести его по этой лестнице было почти невозможно.

Игорь уже звонил диспетчеру. Ким посмотрел на жену пациента:

— Вы не могли бы позвать соседей? Хоть кого-нибудь.

Она кивнула и вышла в коридор. Через минуту оттуда донесли голоса, потом шаги. Двое мужчин в куртках, явно только что разбуженных, спустились к ним.

— Мы поможем, — сказал один, не глядя на Кима, будто стеснялся своей готовности помочь.

Носилки поставили. Аккуратно, медленно, с остановками. На каждом пролёте Ким чувствовал, как напряжение растёт, как металл носилок царапает стену, как кто-то тихо ругается себе под нос.

На первом этаже мужчина в куртке остановился, вытер

лоб и посмотрел на Кима:

— Это каждый раз так?

— Почти, — ответил Ким.

Мужчина покачал головой, будто пытался запомнить эту лестницу, чтобы потом никогда её не забыть.

Когда пациента погрузили в машину, Ким достал тот самый бланк. На обороте он дописал:

«Дом 14, подъезд 3: спуск носилок — 14 минут. Помощь соседей обязательна. Риск травмы пациента и бригады повышен. Подозрение на инсульт: каждая минута критична».

Он не стал писать «это неправильно». Он написал «риск». Потому что слово «риск» в системе понимали лучше, чем слово «стыдно».

Вернувшись на подстанцию, Ким положил бланк рядом с другими записями. Катя уже ждала его — с планшетом, папкой и стопкой фотографий.

— Ты собираешь не просто жалобы, — сказала она. — Ты собираешь доказательства.

— Я не хочу ничего доказывать, — устало ответил Ким. — Я хочу, чтобы можно было просто пройти.

Катя посмотрела на него внимательно, будто пыталась разглядеть за усталостью что-то ещё.

— Иногда, чтобы просто пройти, нужно сначала доказать, что ты имеешь на это право, — тихо сказала она.

Глава 3

Следующие несколько дней слились в один длинный ритм: вызов — лестница — запись — возврат. Ким перестал замечать дождь. Он замечал только ступени. Каждый подъезд становился для него не просто местом, а испытанием: сколько минут уйдёт на подъём, сколько людей придётся звать на помощь, сколько раз он услышит это тихое «простите».

Однажды вечером, когда дождь наконец стих, а город будто выдохнул, Ким сидел в подсобке и перебирал свои записи. На столе лежали фото, которые сделала Катя: коляска, упёршаяся в первую ступеньку; женщина с тростью, замершая перед лестницей; ребёнок, которого мама не решалась спускать вниз.

Рядом сидела Катя и что-то быстро печатала в планшете. — Знаешь, — вдруг сказала она, — я собрала подписи. Почти двести человек. Они просят хотя бы временные рамы. Не капитальные, не красивые, а просто чтобы можно было пройти.

Ким посмотрел на подписи. На каждой строчке — чья-то просьба, чья-то надежда.

— И что дальше? — спросил он.

— Дальше мы идём к тем, кто может это согласовать, — ответила Катя. — К Олегу Петровичу.

Имя прозвучало как что-то надёжное. Ким слышал про Олега Петровича: говорили, что он не обещает чудес, но если что-то обещает, то делает.

— А если он скажет «нет»? — спросил Ким.

— Тогда мы узнаем, почему, — спокойно сказала Катя.

— И подготовим аргументы.

В тот вечер Ким впервые почувствовал, что он не просто фиксирует проблемы — он собирает их в историю, которую кто-то должен услышать.

Глава 4

Кабинет Олега Петровича был не таким, каким Ким себе его представлял. Не парадным, не строгим, а обычным: стол, заваленный папками, календарь с отметками, чашка с остывшим чаем. Олег Петрович сидел напротив, смотрел на бумаги, которые Ким и Катя принесли, и не торопился говорить.

— Вы хотите поставить временные рампы, — наконец произнёс он. — В трёх подъездах.

— Да, — ответил Ким. — На две недели. Если не поможет — уберём.

Олег Петрович постучал ручкой по столу. Потом поднял глаза.

— Я не могу обещать, что получится, — сказал он. — Но я обещаю, что не буду прятать проблему.

Эти слова ударили Кима сильнее, чем любые обещания. В них не было пафоса, но была ответственность.

— Спасибо, — тихо сказал Ким.

— Не благодарите, — ответил Олег Петрович. — Сначала посмотрим, сработает ли.

Он взял бумаги, сделал пометку и положил их в отдельную папку. На папке он написал: *«Пилот. 3 адреса. Срок — 2 недели»*.

И подписал: *«Воронин. Ответственность беру»*.

Глава 5

Пустырь возле склада Немчинова пах мокрым железом и сырой древесиной. Дождь не лил стеной, он висел мелкой водяной пылью, оседавшей на куртках и склеивавшей ресницы. Ким стоял рядом с Катей, кутался в промокшую куртку и смотрел, как капли стекают по металлическим секциям ramпы, будто пытались смыть с неё заводской блеск.

Немчинов подошёл, не торопясь, в резиновых сапогах, с кепкой, надвинутой на глаза. Он взял фото подъездов, которые протянула Катя, поднёс ближе к тусклой лампочке на стене склада.

— Тут не красота нужна, — сказал он, не поднимая глаз. — Тут нужен угол наклона и противоскользящее покрытие. Если сделаем как для показухи — будет хуже: люди решат, что всё «сделано», а ramпа будет опасной.

Катя кивнула, будто это было именно то, что она хотела услышать: не пустые обещания, а конкретику.

— У нас подписи жильцов, — сказала она. — Почти две-сти человек. И сводка Кима: по этим адресам скорая теряет по 12—14 минут только на спуск.

Ким молчал. Ему хотелось просто услышать слово «да». Но он понимал: слово «да» тут ничего не стоит. Важнее было слово «как».

Немчинов перевернул фото, посмотрел на тени, на угол

лестницы, будто пытался увидеть там невидимые линии расчётов.

— Я беру это на себя, — наконец сказал он. — Завтра иду к начальнику участка ЖКС. Если не даст ключи от подъезда — пойду к его начальнику. Если и там тишина — сделаем так, чтобы тишина стала громкой.

— Громкой? — переспросил Ким.

— Да. Не скандал, — спокойно ответил Немчинов. — Просто чтобы они поняли: мы не уйдём. И не потому что нам нравится спорить. А потому что иначе люди будут сидеть взаперти.

Ветер качнул железную секцию, и она тонко звякнула. Этот звук прозвучал как обещание.

Глава 6

На следующее утро двор казался серым даже при свете фонарей. У подъезда на стенде висел лист бумаги, приколотый ржавой кнопкой. На нём корявым почерком было выведено: *«Просим убрать конструкцию у подъезда. Она портит вид и мешает проходу»*.

Ким остановился, прочитал, и внутри что-то неприятно сжалось.

— Как можно жаловаться на помощь? — тихо сказал он Кате.

Она посмотрела на жалобу, потом на Кима.

— Можно, — ответила она спокойно. — Потому что для кого-то «вид подъезда» — это единственное, что он может контролировать. А перемены пугают.

Рядом остановилась соседка, женщина лет шестидесяти, в плаще с поднятым воротником.

— Вы из тех, кто рампу ставил? — спросила она, не то с укором, не то просто из любопытства.

— Мы, — кивнула Катя.

— А я вот думаю, — сказала женщина, чуть тише, — что если бы мне в прошлом году такая рампа помогла, я бы сына с операции встречала не у окна, а внизу. Но теперь мне кажется, что все друг на друга злятся.

И она пошла дальше, оставив после себя запах духов и

чего-то домашнего, давно забытого.

Ким смотрел ей вслед и вдруг понял: перемены задевают всех. И тех, кому они помогают, и тех, кто просто боится, что привычный мир станет другим.

— Значит, будем объяснять, — сказала Катя, будто прочитала его мысли. — Не один раз. А столько, сколько нужно.

Глава 7

Монтаж начался под косым дождём, который не прекращался ни утром, ни днём. Рабочие натягивали капюшоны, ругались сквозь зубы, но делали ровно: прикручивали секции, проверяли стыки, подкладывали резиновые прокладки, чтобы металл не гремел.

Немчинов стоял рядом, не командовал, а просто был там, где было сложнее. Он сам держал одну сторону рампы, пока другой рабочий крепил болты.

— Угол должен быть не больше 12 градусов, — повторял он. — Иначе коляска поедет вниз сама.

Ким стоял в стороне, в проёме подъезда, и чувствовал себя лишним. Его дело — лечить, а не крутить гайки. Но уйти он не мог. Он должен был видеть, как эта штука становится настоящей.

Запах сырости смешивался с запахом машинного масла и мокрого бетона. Где-то рядом капало с козырька, и этот звук отбивал ритм: кап-кап-кап, будто город отсчитывал секунды до того момента, когда рампа станет не чужой конструкцией, а частью двора.

Когда последнюю секцию прикрутили, Немчинов отошёл на шаг, посмотрел на рампу и кивнул.

— Теперь проверим, — сказал он.

Он взял пустую тележку из магазина, которую кто-то оста-

вил у подъезда, и медленно покати́л её вниз. Тележка шла ровно, не прыгала, не цеплялась.

— Работает, — коротко сказал он.

И впервые за день Ким почувствовал, как напряжение чуть отпускает.

Глава 8

Вечером дождь стих, но воздух остался тяжёлым и мокрым. Катя привела волонтеров — троих студентов и пожилую женщину, которая жила в этом доме и знала всех соседей.

— Будем фиксировать, — объяснила Катя. — Кто прошёл, когда, с чем: коляска, ходунки, просто пожилой человек. Это не слежка. Это доказательство, что рампа нужна.

Ким стоял у стены и смотрел, как они раскладывают планшет, распечатки, ручки. Ему казалось странным, что человеческая нужда должна подтверждаться цифрами. Но он уже понимал: без цифр система не верит.

В этот момент из подъезда вышла женщина с коляской. Она остановилась, посмотрела на рампу, будто не верила, что это теперь можно. Потом осторожно покатила коляску вниз. Колёса мягко прокатились по рифлёной поверхности.

Женщина подняла глаза, увидела Кима и вдруг улыбнулась.

— Спасибо, — тихо сказала она. — Я сегодня впервые за месяц вышла во двор.

Ким хотел сказать что-то вроде «не за что», но слова застряли в горле. Вместо этого он просто кивнул.

А Катя записала в блокнот: *«19:17. Женщина с коляской. Первый самостоятельный выход за месяц»*. И это было не

равнодушие. Это была забота, переведённая на язык, который система умеет читать.

Глава 9

На следующий день вызов пришёл из соседнего подъезда — того, где рампы ещё не было. Тот же двор, те же серые стены, только лестница здесь была ещё круче. Ким и Игорь снова тащили носилки, снова цеплялись металлом о бетон, снова теряли драгоценные минуты.

Пациент — мужчина лет семидесяти, бледный, с одышкой. Когда его уложили в машину, Ким достал свой блокнот и записал:

«Дом 14, подъезд 2: спуск носилок — 15 минут. Помощь соседей обязательна. Риск травмы повышен. Рампа отсутствует».

Он не злился. Он просто фиксировал разницу: там, где рампа уже была, люди выходили сами. Здесь — скорая снова становилась последней надеждой, потому что лестница не давала шанса на профилактику, на прогулку, на обычный день.

Вернувшись на подстанцию, Ким положил блокнот на стол перед Катей.

— Вот, — сказал он. — Сравни.

Катя взяла записи, посмотрела на цифры, потом подняла глаза.

— Это и есть наш аргумент, — сказала она. — Не эмоции. А разница.

Глава 10

Олег Петрович сидел за своим столом, перед ним лежали распечатки: фото рампы, сводки Кима, подписи жильцов, таблица с данными волонтеров. Он не торопился, читал каждую строчку, иногда ставил карандашом короткие пометки на полях.

Ким и Катя стояли напротив. В кабинете пахло старым деревом и крепким чаем. За окном снова собирался дождь, и стёкла чуть запотели.

— Вы собрали не просто просьбы, — наконец сказал Олег Петрович. — Вы собрали доказательства.

— Нам не нужны награды, — ответил Ким. — Нам нужно, чтобы это не было исключением.

Олег Петрович постучал ручкой по столу, будто проверял, насколько твёрдо он сидит.

— Пилот показал результат, — произнёс он. — В тех трёх подъездах, где рампа есть, количество вызовов снизилось на 30%. И главное — люди снова выходят на улицу. Это не статистика. Это жизнь.

Он открыл папку, достал чистый лист и написал: *«Рекомендовать продление пилотного проекта. Срок — ещё две недели. Контроль показателей — еженедельно»*. Подписал: *«Воронин. Ответственность беру»*.

И поднял глаза.

— Но это только начало, — добавил он. — Если мы хотим, чтобы это стало нормой, нужно, чтобы каждый шаг был подтверждён.

Ким кивнул. Впервые он почувствовал, что его работа — не только про уколы и тонометры. Она ещё и про то, чтобы невидимое становилось видимым.

Глава 11

Районный совет собирался в небольшом зале, где пахло старой краской и кофе из автомата. На столах лежали папки, ручки, стаканы с водой. Олег Петрович вышел вперёд, положил перед собой распечатки и начал говорить не про «благие намерения», а про факты.

— За две недели в трёх подъездах зафиксировано 17 случаев, когда люди, которые раньше не могли выйти из дома, смогли это сделать, — говорил он. — Снижение числа вызовов скорой помощи — на 30%. Это не потому, что люди перестали болеть. Это потому, что они смогли дойти до поликлиники, вовремя принять лекарство, выйти на свежий воздух.

Чиновник из управления ЖКХ хмыкнул:

— А жалобы есть. Говорят, портит вид.

Олег Петрович не стал спорить. Он просто подвинул вперёд лист с подписями.

— Подписей «за» — больше трёхсот. Жалоб — одна. И я понимаю: перемены неудобны. Но удобство не должно стоить людям их жизни.

Зал затих. Не от пафоса, а от простой правды, сказанной без лишних слов.

Глава 12

После заседания к Олегу Петровичу подошёл мужчина в строгом костюме — представитель департамента.

— Хорошо, — сказал он сдержанно. — Продлеваем пилот ещё на две недели. Но дальше нужно будет обоснование для постоянной программы.

— Будет, — спокойно ответил Олег Петрович.

Когда они вышли на улицу, дождь уже шёл всерьёз, заливая тротуары и отражаясь в лужах тусклыми огнями фонарей.

— Ты не обещал чудес, — заметил Ким. — Но ты не дал спрятать проблему.

Олег Петрович посмотрел на него и чуть улыбнулся:

— В нашей работе это уже немало.

Они шли по мокрому асфальту, и вода стекала по воротникам, но Ким вдруг почувствовал, что земля под ногами стала чуть твёрже.

Глава 13

Волонтёры продолжали фиксировать каждый проход. Катя собирала данные, сводила их в простые таблицы. Ким приносил свои сводки: сколько вызовов, сколько минут тёрлось, в каких подъездах рампы ещё нет.

Однажды вечером Катя показала ему итоговую таблицу:

Адрес	До рампы: среднее время спуска	После рампы	Выходы людей, которые раньше не выходили
д. 12, под. 1	12 мин	3 мин	7
д. 14, под. 3	14 мин	4 мин	5
д. 16, под. 2	13 мин	3,5 мин	5

— Видишь? — сказала Катя. — Это не про «красиво». Это про «можно».

Ким смотрел на цифры и понимал: каждая строка — это чья-то возможность жить чуть свободнее.

Глава 14

Немчинов снова стоял у подъезда, смотрел на рампу и хмурился.

— Надо проверить крепления, — сказал он. — Дождь, нагрузка — металл может гулять.

Он достал инструмент, начал подтягивать болты. Ким хотел помочь, но не знал, чем.

— Просто будь здесь, — коротко бросил Немчинов. — Чтобы если что — ты видел, как это делается.

И Ким стоял. Смотрел, как Немчинов работает, как дождь стекает по его куртке, как металл звенит под ключом. И понимал: ответственность — это не только подпись на бумаге. Это ещё и проверка каждого болта.

Глава 15

Олег Петрович снова сидел в своём кабинете. На столе лежала папка, на которой он написал: «*Отчёт №2. Пилотный проект. Результаты*». Он читал цифры, кивал, делал пометки.

— Данные хорошие, — сказал он. — Но нам нужно больше. Нужно показать, что это не случайность. Что это система.

Он посмотрел на Кима и Катю.

— Готовьтесь к круглому столу, — сказал он. — Там будут не только чиновники. Там будут жители. И они должны услышать не только цифры. Они должны услышать, почему это важно.

Ким почувствовал, как внутри снова поднимается напряжение. Ему было привычнее стоять у носилок, чем говорить перед людьми.

— Не волнуйся, — тихо сказала Катя. — Ты знаешь самое главное. Ты знаешь, что эти минуты решают. Просто скажи это.

Глава 16

Кабинет Олега Петровича. На столе — те же папки, но теперь в них не только проблемы, а и результаты. Ким положил рядом свою сводку: последние цифры, фото, комментарии волонтеров.

Олег Петрович прочитал, потом поднял глаза.

— Пилот работает, — сказал он спокойно. — За две недели — 17 выходов людей, которые раньше не могли выйти. Снижение вызовов на 30%. Это серьезно.

— Значит, расширяем? — спросил Ким.

— Расширяем, — ответил Олег Петрович. — Но не на эмоциях. На цифрах. И на ответственности.

Он взял ручку, написал на папке: *«Расширить пилот. Ещё 12 адресов. Воронин. Ответственность беру»*.

В этот момент Ким понял: они переходят от «попробуем» к «делаем». И он — часть этого «делаем».

Он кивнул. И впервые за долгое время почувствовал не усталость, а силу. Силу тех, кто не отводит глаз.

Глава 17

Кабинет в управе был тесным, но светлым — окна выходили на двор, где после дождя всё ещё стояли лужи, и в них отражались серые стены домов, будто город пытался удержать в этих осколках неба хоть немного тепла. Ким стоял у подоконника, теребил в руках распечатку сводки и чувствовал, как внутри всё сжимается от непривычного напряжения. Он привык, что его язык — это тонометр, укол, чёткая команда. А здесь нужно было говорить словами, которые слышат не только медики.

Катя расставляла на столе распечатки: фото рампы у подъезда, подписи жильцов, графики вызовов. Она двигалась быстро, но без суеты, будто знала, что если всё разложить правильно, слова сами встанут на свои места.

— Не смотри на дверь, — тихо сказала она, заметив, как Ким вздрагивает от каждого шага в коридоре. — Ты не на вызове. Тут не нужно спасать за три минуты. Тут нужно просто сказать правду.

— Я не умею говорить «правду» так, чтобы её слушали, — признался Ким. — Я умею ставить укол и фиксировать время.

— Тогда говори как умеешь, — улыбнулась Катя. — Без красивых слов. Просто скажи, сколько минут мы теряем из-за лестницы. И сколько раз мы не успевали.

В дверь постучали, и вошёл Олег Петрович. Он выглядел уставшим, но собранным. В руках у него была папка с той самой надписью: *«Расширить пилот. Ещё 12 адресов. Воронин. Ответственность беру»*.

— Всё на месте? — спросил он, оглядывая стол.

— Почти, — ответила Катя. — Ждём Немчинова и Мангиктона.

Через пять минут появились они. Немчинов зашёл первым, оглядел комнату, будто оценивал, хватит ли здесь места для дела, и коротко кивнул Киму:

— Рампа стоит. Угол проверили. Нагрузка в норме.

Илья Мангиктон вошёл следом, сдержанно поздоровался, достал планшет и сразу перешёл к делу:

— У нас сорок минут. За это время мы должны сделать так, чтобы никто не мог сказать: «Мы не знали».

Ким вдруг понял: это не про эмоции. Это про то, чтобы сделать невидимое видимым.

Глава 18

Зал был не парадным, а обычным — таким, в каких проводят планерки и собрания старших по подъездам. Столы стояли буквой «П», стулья были разномастными: кто-то принёс свой табурет, кто-то сел на складной стул, кто-то остался стоять у стены. В воздухе витал запах кофе, сырости и напряжения — такой густой, что его можно было почти потрогать.

Когда все расселись, Олег Петрович встал и постучал ручкой по столу. Звук получился негромким, но все замолчали.

— Мы здесь не для того, чтобы обещать невозможное, — начал он. — Мы здесь, чтобы честно сказать: есть проблема, есть решение, есть результаты. И есть следующий шаг.

Он кивнул Киму.

Ким сжал в пальцах распечатку и встал. Он не смотрел на всех сразу — он смотрел на одну женщину в первом ряду, ту самую, которая когда-то сказала: *«Простите, я не хотела, чтобы вы бежали»*. И он начал говорить, как умел: просто, по делу.

— За две недели в трёх подъездах мы зафиксировали снижение числа вызовов на 30%. Это не потому, что люди вдруг перестали болеть. Это потому, что они смогли выйти на улицу, дойти до поликлиники, вовремя принять лекарство. А ещё мы зафиксировали 17 случаев, когда люди, которые раньше вообще не выходили из дома, смогли это сде-

лать. Для системы это цифры. Для человека — это жизнь.

В зале стало тихо. Кто-то из чиновников что-то хотел сказать, но Олег Петрович чуть заметно покачал головой, и тот промолчал.

— Но самое главное, — продолжил Ким, — это время. В подъезде без рампы мы теряем 12—14 минут только на то, чтобы спустить носилки. В случае инсульта или инфаркта эти минуты решают всё. Мы не можем вернуть их. Но мы можем не терять их в будущем.

Немчинов встал рядом с ним.

— Рампа — это не навсегда, — сказал он. — Это проверка гипотезы. Если она работает, значит, нужно делать дальше. Если нет — уберём. Но давайте сначала проверим честно.

Мангиктон добавил:

— Мы готовы взять на себя информационную часть. Чтобы об этом знали не только в этом зале, но и в других районах. Но нам нужна прозрачность: цифры, сроки, ответственность.

Олег Петрович снова постучал ручкой.

— Значит, так, — сказал он. — Пилот показал результат. Мы расширяем его на 12 адресов. Контроль — еженедельный. Отчётность — по тем же параметрам, что и раньше. И каждый из нас берёт свою часть ответственности.

Он посмотрел на Кима:

— Вы отвечаете за медицинские данные. Чтобы мы всегда понимали, помогает ли это людям.

Ким кивнул. Впервые он почувствовал, что его работа — не только про уколы и тонометры. Она ещё и про то, чтобы система слышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.